

«Кемь. Соловецкий лагерь. 1-е отделение.

12 июня 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Здесь я с 9 июня. Долго ли здесь буду, не знаю... За прошедшее время здоровье мое, конечно, было не лучше; теперь прихожу в себя. Погода здесь хорошая, воздух вроде севастопольского, только значительно холоднее. Трудны мне здесь всякие перемены; когда наступит полная определенность, тогда, надеюсь, все пойдет лучше и легче, организм и душа приспособятся. Сожители мои хорошие, но не хватает тишины и уединения. А при моей старости и болезнях они мне крайне нужны. Как старик, да и по настроению, живу старым, прежним. Духом всех родных помню и с ними не разделился, потому что для духа расстояния не существует. Передай это и всем родным и скажи еще, что духом я бодр; прошу и всех бодриться, меня никогда не забывать, как не забываю и я их; в этой памяти я очень нуждаюсь, потому что по человечеству нередко ощущаю глубокое одиночество. Хотя по существу этого не должно быть... Передай привет маме и родным, а также моей квартирной хозяйке и ее жильцам. Скажи ей, что я ей очень признателен за хранение моих вещей и всякое содействие, благодарю и всех помнящих меня, любящих и сочувствующих. Скажи им, что ни время, ни место, ни переживания меня не изменили, я тот же, как и был ранее. И нахожу большое утешение в устремлении к своему идеалу. Верю, что таковы и они, конечно, и ты; если нам придется встретиться в этой жизни, то радость нашего общения превзойдет прежнюю, потому что и я и вы в это время будем неизменно трудиться над своим усовершенствованием.

Твой отец Роман Иванович Медведь»

«Карелия. Почтовое отделение Попов остров.

3 июля 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Я попал на новое место вследствие болезни, но не тяжелой... В больнице я около двух недель и отдыхаю и телом и душой. Должно быть, меня скоро выпишут и направят, по всей вероятности, в Соловки, а может быть, и нет. Предвидеть это трудно. Сидя под арестом в 21-м году в Кисельном, я чувствовал себя очень хорошо, потому что был много здоровей; было немного людей в моей камере, при относительной тишине можно было находить время, чтобы оставаться с самим собой наедине. Здесь, в больнице, хотя и много народу, но я стал чувствовать себя наподобие этого «кисельного» времени. Я почти все время пребываю в молчании, и это много помогает и здоровью, и настроению. Я не скажу, что мое здоровье значительно хуже, чем в прежние годы, иногда мне кажется, что даже и лучше... Успокаиваю себя тем, что должны мы жить так, чтобы каждый новый день считать последним в своей жизни (ожидавая смерти) или же первым (в движении к совершенству). Напоминаю себе, что мы здесь, в этой жизни, странники, а посему не надо огорчаться временными трудностями пути. Идти все равно надо, а отечество наше — на небесах. Не огорчаюсь и тем, что приходится жить не по своей воле, а так, как здесь приказывают, потому что и по вере моей отречение от своей воли есть первое условие для движения к совершенству... Ежедневно, то раз, то два, а то и более, перебираю в памяти всех близких мне лиц. Особенно последнего времени. Прошу и тебя и их по силе и меня вспоминать, потому что верю, что через это я получаю духовную поддержку, в которой, конечно, по немощи своей очень нуждаюсь... Погода у нас неустойчивая и часто холодно,

теплых дней мы почти не видели. По мере возможности бываю на воздухе, люблюсь видами моря и соседними лесистыми и скалистыми берегами... Привет маме и мой глубокий поклон. Целую тебя и всех родных.

Твой отец Роман Иванович Медведь»

«3 августа 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

24-го получил твою первую посылку, сегодня получу вторую... Спасибо тебе и всем родным, не забывающим меня. Посылка пришла очень кстати, потому что после выписки из лазарета 9 июля я более недели прохворал кровавым поносом. Лечился главным образом голодом, очень отощал, в моих запасах не оставалось ни жиринки, и купить было негде... При переходе в роту из лазарета меня обокрали: вытащили из кармана бумажник с деньгами и квитанции на остальные деньги, крестик, сорвавшийся незакрепленный ключ от чемодана и еще кое-что. Денежные затруднения продолжались недолго. С моего личного счета мне дали определенную часть денег и без квитанции, а вместо утерянных хлопочу новые. Теперь я в другой роте, где нет воровства. И соседями, и помещением я вполне удовлетворен. Клопов почти вывели, но сплю плохо и очень недостаточно, потому что состою ночным сторожем каждую ночь с 12 часов ночи до 8 часов утра. Сначала это было очень трудно, теперь привыкаю. Получил выходную ночь, и еще обещают облегчение. Стороживство при моей старости и болезни занятие самое подходящее. Когда на посту, в помещении можно оставаться в одиночестве, в котором я так нуждаюсь для того, чтобы и душу приводить в порядок, и думать, и прочее. Высыпаюсь до 12 часов ночи, а потом днем. Лето у нас хорошее, но ночи бывают холодные, и моей одежки мне только впору теперь... Я получил кое-что из казенного обмундирования, но сдаю обратно, главным образом потому, что боюсь при своей старческой рассеянности растерять его, и за это — карцер. Ты спрашиваешь о порядке моей жизни. Завтрак у нас — каша и чай от 6 до 8 часов утра. Обед с 12 до 3—4. Вечером с 7 до 8 поверка, потом вечерний чай. Питание при здоровье было бы, пожалуй, достаточное, а при болезни очень недостаточное, хлеб только черный, на обед только одно блюдо — щи, часто и копченая рыба, даже почти ежедневно...»

«Дорогая Ирочка!..

Благодарю тебя и родных за заботы обо мне, доселе я получил от тебя пять посылок, упаковка вполне удовлетворительная, а корзина очень пригодилась, так как я оброс вещами и хранить их все труднее при отсутствии места, тары, времени и сил. Со сном у меня, конечно, неважно, и это задерживает мою медленную поправку, но иной подходящей для моих сил работы не найти, еще более потому, что с 1 августа за каждые шесть лет работы срок заключения заключенным моей категории сокращается на полтора года... Хочу и надеюсь еще пожить, но мои болезни и старость постоянно напоминают об очень возможной смерти здесь. О смерти заключенных учреждение родных вообще не извещает, а оставшиеся от умерших вещи хранятся шесть месяцев, по истечении срока хранения поступают в продажу. В случае моей смерти пришли заявление в управление по месту смерти о твоих правах на наследство оставшихся вещей и проси об отправке их по твоему адресу наложенным платежом... Рад за Людмилу и Леву, привет им. Очень хорошо, что Лева стал врачом. За Зину радуюсь и соскорблю ей. Спасибо за письма. Рад я всякой строчке, но прошу всех пишущих мне помнить мой принцип — никому не делать

никогда (не только физического, но и духовного) насилия, а потому прошу не писать о других никаких подробностей, только с их согласия.

Сколько мне надо сухарей, денег и прочего — стараюсь по одежке протягивать ножки и чтобы на случай болезни оставался какой-либо запас, но иногда при болезни и слабости нужно побольше, да и делиться-то кое с кем необходимо. Помню, что ваши ресурсы очень неважные, сыты ли вы хотя бы с мамой, одеты ли, имеете ли комнату и прочее?.. Не огорчайся, что пишу о возможности моей близкой смерти, благоразумие требует подготовиться и к худшему концу, хотя я и верю, что доживу и до воли. Прошу всех не забывать меня, а я стараюсь помнить всех. По-прежнему ни на кого здесь не имею неудовольствия, всем доволен. Если имею претензии, то только к самому себе, и постоянно требую от себя стремиться непрерывно к совершенству...

Целую тебя, твой отец Роман Иванович Медведь»

Ирина Медведь. 1931 г.

«2 октября 1931 года.

Дорогая Ирочка!..

Отвечаю на письмо от 12—17 сентября. Мое здоровье, надеюсь, станет лучше, и главное, мое ночное сторожничество кончилось 30 сентября. Отсыпаюсь и временно отдыхаю, а то я ощущал большую слабость — и изнурение было, и голодноват иногда. Теперь я получил доплатной стол и сыт... В общем я чувствую себя довольно хорошо, много лучше, чем ранее. Картина здешней жизни для меня стала ясной, и мои нервы менее боятся неожиданностей, которые я теперь переношу, хотя они действуют на меня, как удары, постоянно напоминающие, что со мной и вообще могут быть удары с параличом и прочее. По трудоспособности меня определили ко второй категории с отдельными работами, то есть почти инвалидное состояние, и на тяжелые работы меня не отправят... Прошу благодарить старика Василия Гурьяновича за его письмо, память и подарок. Еще много хотелось бы мне написать и тебе и всем. Скажи нашим родным, что я радуюсь каждой строчке и грушу, что не имею долго от них вестей, скажи моей бывшей хозяйке Валентине Альбертовне, что я получил ее письмо и благодарю за все, и готов и ей и всем писать, но письмо могу посылать только один раз в месяц, поэтому прошу не обижаться, что многие не получают от меня ответа или получают очень кратенькие ответы через тебя в виде благодарности. Знаю, что их любовь ищет большего, но, видно, такова воля Божия, чтобы нам терпеть отсутствие взаимного единения. Внутреннее-то через Бога для нас не закрыто, надо только в себе уничтожить всякое семя разделения, помня, что воля Христова в том, чтобы ученики Его были едины и во взаимной любви. Всякое разделение между близкими моими для моего сердца очень тягостно. На этом я кончаю письмо, потому что чувствую внутреннее побуждение не отлагать его отсылку на более долгое время. Всем, всем привет и благодарность. Прошу помнить и поддерживать мою немощь молитвами, а какими — сердце каждого указывает... Еще и еще повторяю — здесь я всем доволен, вижу к себе доброе отношение со стороны всех, хотя, конечно, душа моя очень

часто тоскует и ощущает душевное одиночество. Еще раз привет, привет, привет всем, всем, всем, очень вспоминаю слова: сами себе, друг друга и весь живот наш... Мир всем.

Твой отец Роман Иванович Медведь»

«Дорогая Ирочка!..

Я хотел бы, чтобы ты знала и усвоила мои подлинные убеждения и свойства; примерно с 20—24-летнего возраста я сознательно уважаю и ценю всякого человека, и всю жизнь боялся сделать кого-либо своим рабом, и внешне и внутренне боюсь кому-либо причинять боль, насилие. Убеждать мое дело, принуждать не могу. Дерзаю сказать, что я любил свою свободу, никогда никому не делался рабом, а посему, думаю, и ценю свободу других: пусть живут по своему уму и по своей совести, и стараюсь никого не осуждать... лучше уйти в сторону... Я могу молчать, научился много терпеть и претерпевать, но, невзирая ни на что, я в своей глубине все тот же, люблю свою свободу, лелею и свободу других; предпочитаю разделение свободных — единению рабов. Впрочем, прости мою философию, мое самохвальство. Почитаю нужным прибавить, что я сознательно склонил свою голову, сердце и всю свою жизнь перед Вечною Истиною и Правдою. И Они дороже для меня и меня самого, и всего мира... Скоро полгода, как я здесь, наступает время, когда разрешают подавать заявление о пересмотре дела. Думаю, хотя и не решил окончательно, просить об этом...

Целую тебя, привет маме и всем родным, помните меня, как я вас.

Твой отец Роман Иванович Медведь»

«8 декабря 1931 года.

Дорогая моя Ирочка и все мои милые, дорогие, родные!

Третий раз уже сажусь за письмо, начиная с 30 ноября, но не посылал обоих писем, недоволен ими. Один раз в месяц — сколько за это время наберется всего, что бы можно сказать и что следовало написать! А времени и сил не хватает... Пусть не скорбят те из вас, кого лично я не назову или не назвал, я всех не только ношу в своем сердце, но всех и каждого я ощущаю как один с собою организм. Это не преувеличение, я подлинно живо всех ощущаю; часто более глубоко, чем живя среди вас, невзирая на то, что мы разбросаны в разные стороны... Взаимная любовь должна учить покрывать даже различные свидетельства совести, и любовь всегда должна ставиться выше личного знания. Разделение, но не рассечение; разделение, но не в основном, которое у всех едино, а посему разделения временны и преодолимы... Едва ли я следующее письмо напишу отсюда, а посему хочется подвести итог здесь пережитому. Я благодарю Провидение, что благодаря тому, что я это время пробыл на одном месте, моя связь с детьми восстановилась довольно скоро, это было большим утешением для моего духа, а посылки поддержали мое здоровье, которое в июле и августе находилось в критическом положении. С октября мое быстрое исхудание закончилось, силы мои стали восстанавливаться, я себя сравнительно в общем чувствую довольно прочно... Иной раз жить мне очень трудно... бороться за жизнь мне помогает моя любовь и привязанность к вам и моя ненасыщенная вера в необходимость исполнения обетований еще здесь, на земле. Если бы не моя любовь к вам, я бы спокойно смотрел, как догорает свеча моей жизни... и удовлетворился бы тем, что Бог мой судил мне быть исповедником... Конечно, и здесь я имею немало утешений, и одно из главных — это то, что я постоянно живо ощущаю всех вас, как ощущаю самого себя, как свое второе тело, ощущаю, невзирая на

рассеяние, а то и разделение. Для меня все едины и все близки, и это единение за отсутствием шума внешнего общения я ощущаю даже крепче, чем будучи физически близко от вас. Когда я только уйду от шума своих внешних обстоятельств, после Единого Вечного я живо ощущаю вас или, вернее, и Его ощущаю в единении со всеми вами и со всеми верными...»

«2 февраля 1932 года.

Дорогая моя доченька Ирочка!..

Я переменяю место работы, перешел в Кустпром, раскрашиваю деревянные куклы; легче здесь, и нет вечерних занятий, но трудно просидеть 8 часов. К концу работы после болезни усилились головокружения и начались сердечные припадки; но надеюсь скоро оправиться... Спрашиваешь о внешней стороне моей жизни. Сплю на общих сплошных деревянных нарах, подстилаю войлок и плед, одеваюсь теплым ватным одеялом и часто еще и полушубком, стриженная голова постоянно в шерстяной шапочке (надо бы и вязаную бумажную), иногда еще и в шлеме. Сил мало, на чтение и тому подобное времени почти нет, иначе приходится мало спать, а это плачевно отражается на моих силах... Мало отдыха, все делаю сверх моих сил. В тишине приходится быть очень редко, об одиночестве приходится мечтать, все на людях, а душевно очень одиноко. Временно помещался в общем бараке, очень там устал от шума и забот, чтобы не потерялись вещи. Моей каракулевой шапки нет уже, но новой и никакой не шлите, здесь все становится предметом зависти и очень часто исчезает... Моя новая работа — мне по силам, но угнетает норма, мне она не по силам, хотя я работаю почти не отрываясь... Школа здесь для нас, и не скажу, что легкая. Но Провидению угодно, чтобы мы и это все испытали, чтобы и опытнее быть, а может быть, подобно Лазарю на гноище, здесь страдаем, чтобы там радоваться, здесь за грехи получить возмездие, чтобы там от него свободными быть и просто перейти на лоно Авраамово. Если так, да будет имя Господне благословенно; потому что самые тяжкие здешние условия несравнимы с ужасными муками ада. Так говорил, например, преподобный Серафим, которому было дано испытать муки ада очень недолго. А вообще об аде я часто вспоминаю... и часто приходится говорить себе по опыту, что сами люди друг для друга и для себя здесь еще устраивают ад. Нередко побаиваюсь, что я плохо прохожу свою новую школу, потому что не всегда тишина и радость наполняют душу, а нередко — шум и суета, спешка и уныние закрадываются в сердце, заполняют его, и не скоро дождешься изгнания их или ухода их. Но когда нет их, хорошо. Ведь Бога нигде, никто и никакими условиями не может отнять от меня. А если Он со мною, что для меня все внешние тягости?! Что моя нищета и бессилие? Когда в Нем бесконечное море Силы и богатства. Он — мое бытие, Он — моя жизнь и сознание. В Нем я всех нахожу, до всех достигаю, всем владею... Прошу не унывать тебя и всех. Прошу молиться о себе, о мне и обо всех. А в молитвах чаще и чаще я вспоминаю слова Иоанна Златоуста и Василия Великого о том, что надо не о маленьком просить, а дерзать молиться о великом, а также и о непрестанности в молитве. Конечно, это я прежде всего говорю самому себе и от себя требую исполнения припомненного, вопреки всяким внешним вероятностям и тяжким условиям, как-то: физическим болезням, моим согрешениям и тому подобному. Чаще и чаще останавливаюсь на своих грехах, больше и больше познаю свои немощи духовные и ничтожество, прошу о прощении согрешений и очищении моего сердца от всякой скверны — потому что в чистоте сердца ключ ко всем духовным благам...»

«Дорогая Ирочка!..

Я вполне понимаю твоё желание знать подробности о моей внешней жизни. Кое-что сообщаю. С 8 января по 26 февраля я был раскрасчиком кукол, а с 26 февраля я счетовод-табельщик. Новое место пока очень трудное, и посему я запаздываю со своим очередным письмом. Спим мы здесь на сплошных нарах, постилаем на них кто что может, у кого матрас, у кого полушубок, у меня войлок и сложенный в четыре раза старый черный плед. Одевался зимою теплым одеялом и полушубком. Белье нательное ношу казенное и переменяю его в бане каждую неделю почти, за редким исключением. От постельного белья пока еще не отказался, но возможно, что придется пока обходиться без него, как и большинство из нас. В последние дни и вся наша одежда вольная сдается, и мы все облакаемся в казенное платье. Для меня это огорчение, потому что я очень зябок и мое платье гораздо теплее казенного... Прошу всех не забывать Божьего пути, всем желаю духовного возрастания. Маме привет, тебя целую, письма твои получаю, Господь с тобой и всеми вами.

Твой отец Медведь Роман Иванович»

«26 апреля 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Пишу письмо дополнительное, разрешено мне за работу, времени чуточку больше. Сдаю свою должность ввиду предстоящего переезда на другое место, где, по-видимому, придется служить в подобной же должности... Когда у меня улучится свободный часок, когда нет хронического недосыпа, когда не болит голова, я чувствую себя великолепно. Вы все знаете — почему. Стою на Твердом Камне и не боюсь никаких волн. Это настроение бывает нередко, если ничто не смущает совесть, о чем я постоянно забочусь. Я имею дерзновение и всех вас и чувствую и ощущаю, тогда ничто и время и расстояние; в немощи своей и болезнях ощущаю силу, ясно, что не свою. Для меня ничто и заключение и узы, мне ничего не надо, у меня все есть, я всем обладаю, я радостен и счастлив и всех встречаю с радостью и приветствием, а в жизни нашей это очень важно, потому что мы все здесь угнетенные и подавленные и своим несчастьем, и горем своих соседей, так все ищут ободрения, ласковой улыбки, бодрости духа. С переменой места, конечно, надо будет привыкать к новым людям, к новой обстановке, но если это нужно, то что против этого, хотя бы и внутренне, протестовать. Источник всякой жизни ведь всегда с нами и около нас, значит, и нечего страшиться и беспокоиться. Он с нами и в здоровье и в болезни, и в жизни и в смерти. Важно при всех условиях сохранять ясность сознания. Я уже несколько лет боюсь вообще всяких волнений, спешки и тому подобного, они омрачают сознание, и я уже понял давно, что отдаваться им почти то же, что впасть в грех. Болезни, конечно, мешают, и очень мешают, но мы очень хорошо знаем, что в немощи совершается сила Божия. А посему — не смущаться. Но вывод все-таки делаю: блажен тот, кто в сравнительном благополучии в строгости содержал свой организм и приучил себя ко всяким лишениям. Служба нисколько не может мешать, как изъяснил в свое время преподобный Варсонофий, лишь бы проходить ее для Высшей Совести по своей чистой совести. Прошу прощения, что пишу, может быть, тебе и другим не интересное, но живу-то я этим. Знаю, что вас постоянно интересуют мои внешние обстоятельства, но говорю искренне — они вовсе не дурны и вполне благополучны. Уже прошло время, когда моя душа всего боялась, всего ужасалась, ждала всякой беды и несчастья... Грущу за тебя, Ирочка, и за маму, что так трудно вам живется и что я еще свалился грузом на вас, вместо того чтобы помогать вам, но, видно, такова Высшая Воля.

Еще раз привет всем, с праздником Христова Воскресения... Всех прошу не забывать меня, привет Зине Борютиной, Елене и всем уехавшим 2. Слава Богу за все.

Твой отец Роман Иванович Медведь».

Родные начали хлопотать о сокращении срока заключения. Дело рассмотрели вновь и, учитывая тяжелую болезнь о. Романа, сочли возможным срок несколько уменьшить. Батюшка писал:

«21 июня 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои близкие, родные, дорогие!..

1 июня мне под расписку объявлено, что постановлением ВЦИК от 19.4.32 года срок моего заключения сокращен на 1/3, а посему его конец теперь — 16.10.37 года; кроме того, за работу пока имею уменьшение на 29 дней, то есть срок еще сократился. Что-то Господь пошлет еще по твоему ходатайству?.. Мир и радость оставил нам Пастыреначальник, и никто их не в силах отнять от нас. Радостно ощущать, что среди людей нет и не может быть у нас врагов, а есть только несчастные братья, достойные сожаления и помощи даже тогда, когда они (по недоразумению) становятся нашими врагами и воюют на нас. Увы! они не понимают, что враг-то находится прежде всего в нас самих, что его вначале нужно изгнать из себя, а потом помогать и другим сделать это. Один враг у нас общий — это диавол и его духи злые, а человек, как бы низко ни пал, никогда не теряет хотя бы нескольких искорок света и добра, которые могут быть раздуты в яркое пламя. А нам нет никакой выгоды воевать с людьми, хотя бы они били нас не только в правую ланиту, но постоянно осыпали бы нас всякого рода ударами и поношениями. Одно важно: твердо держаться нам своего пути и через войну с людьми не сходить со своей дороги. Воевать с людьми — это значит становиться на их ложную позицию. Даже в случае успеха эта война нам бы ничего не дала, а отвлекла бы надолго от нашей задачи...

Ирочка, холодно у нас. С весны было теплых не более 2-х дней. Пришли мне перчатки, потому что мои у меня украли... Трава около нас, где нет камней, все-таки пробивается, деревьев и кустов вообще нет. Хотелось бы мне сбежать со своей службы в сторожа, но боюсь и холодов, и дождей, и ветров и, особенно, боюсь своеволия, как бы не попасть из огня в полымя... Привет маме и пожелание ей от Бога терпения, здоровья и всего доброго.

Целую тебя, моя дорогая,

твой отец Роман Иванович Медведь»

«8 сентября 1932 года.

Дорогая Ирочка и все родные!..

Через десять дней уже будет месяц, как я на новой, еще более сложной службе, но еще доселе я ее не охватил как следует, и, конечно, это меня тяготит. Мой канцелярский опыт все увеличивается, многое я делаю гораздо скорее, чем это было в начале моей канцелярской карьеры, но все же я канцелярист еще неважный, а посему и много работаю, а результаты слабые; мешают болезни, кроме неопытности и непривычки... А так я стараюсь проходить свою школу с терпением; если она мне дана, то, очевидно, для моей пользы, для большего моего смирения, для укрепления в терпении, как новое поприще для самоотвержения, для обретения опытности и многого другого, что мне и неизвестно. Живу и не ропщу; по поводу своих страданий и оставленности размышляю так: если они

за мои грехи, то по поводу себя и тех, кто не забывает меня, я припоминаю притчу о милосердном самарянине и теперь вместе с законником говорю, что тот мне близкий, кто оказывает милость ко мне; припоминаю слова, которые и ранее я повторял нередко, слова оптинского старца Амвросия — иной от меня за десятки, сотни верст, а на деле ближе живущего со мной рядом. Если же мои страдания — Голгофа, то вспоминаются слова Христа в Гефсиманском саду о тех, кто и одного часа не мог пободрствовать с Ним; припоминаю и то, что после бегства учеников при Кресте стояли Мария Магдалина, кроме Матери Его, Иоанна и еще десятка полтора других жен... Конечно, действительность заставляет меня постоянно не забывать о моих немощах и физических и духовных. Я стараюсь бодриться и бодрюсь, часто бываю и радостен, но особенно утром до работы. Знаю, что это не от меня и не от моих достоинств, эта радость... Иногда, и нередко, ощущаю и торжество в сердце, и силу, и полноту... но изношенный старый организм постоянно напоминает о несчастной зависимости моей от достаточного сна и достаточного питания... Не подает нам Провидение быть искушенными более, чем мы можем понести, а так вообще я никак не могу отделаться от сознания, что по человечеству и гражданству я страдаю совершенно безвинно, потому что принадлежу к типу тех верующих, которые проявляли и проявляют по отношению к нашей современной власти максимум благожелательности и за это достойны не наказания, но самого энергичного поощрения. Уже целый год я собираюсь написать ходатайство о пересмотре моего дела, многократно его начинал, но доселе для этого серьезного дела у меня не хватало времени. Когда позволят силы, буду урывать у ночей, чтобы это дело все-таки сделать...

Твой отец Медведь Роман Иванович»

«8 ноября 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Давно душа моя ощущает долг и потребность ответить всем, кто вспомнил день моего рождения. Прежде всего, благодарю вас, мои родные, доселе вы крепко поддерживали меня в моем испытании, прошу и впредь не оставлять меня, потому что часто здесь озираешься кругом, чтобы найти среди людей кого-либо сочувствующих и понимающих, но не нахожу их доселе... В моем положении нет ничего существенно нового. Стараюсь проходить свою школу с терпением, много она смиряет меня, постоянно давая мне удостоверение в том, что работник я неважный, делаю много промахов, за них мне достается, и приходится пить поношение как воду... Есть, конечно, немало и утешительных моментов, о них я поведаю подробнее через Ирочку, если она приедет на свидание... Вчера вечером, то есть 7 ноября, я несколько отдался воспоминаниям о своей жизни и особенно остановился на пережитых происшествиях или, вернее, как я был свидетелем, что человек с неочищенным сердцем не в состоянии правильно воспринять окружающие обстоятельства и передать о них, и невольно против своего желания извращает действительность, и постоянно против своего желания является и лжецом и клеветником. Припоминалось, как это было еще в Воздвиженске с умершим Николаем Николаевичем Неплюевым и прочими. Еще раз ощутилось, что неочищенное сердце не может стать высоким жилищем... истинной любви. Любовь подлинная может быть только там, где сердце освободилось от пристрастий... Возвращаюсь еще к 1 октября, я весь день чувствовал себя прекрасно и чувствовал, что это оттого, что в этот день вы меня вспоминаете. К ночи я себя чувствовал очень хорошо, ощущал глубокий покой, он и теперь со мной. Я жив, ощущаю жизнь, и этого довольно с меня. Если центр жизни своей постоянно переносишь внутренне в этот Вечный Единый Центр, то не будет

обстоятельств, когда можно будет ощущать себя плохо. Вездесущий и Всепроникающий никогда нас не оставляет и оставить не может ни в каких обстоятельствах и ни в каких переживаниях. Если об этом не забывать никогда, тогда наше счастье на земле обеспечено даже в тяжких болезнях и в самой смерти... Целую тебя крепко.

Отец твой Медведь Роман Иванович»

В конце 1932 года батюшке разрешили свидание с родными. Анна Николаевна с дочерью приехали на Попов остров, сняли угол в бараке, и о. Роман три дня прожил вместе с ними. Утром и вечером он ходил отмечаться в лагерь и приносил оттуда полагавшийся ему обед.

Однажды им довелось увидеть, как под охраной часовых везли умерших. Заключенные, впрягшись в дровни с наваленной на них горой трупов, не переставая пели «Со святыми упокой...».

В первом письме после свидания о. Роман писал:

«16 декабря 1932 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

В здоровье после вашего отъезда я заметил вначале значительное улучшение, но вскоре и головокружения, и боли сердца, и общая немощь вновь напомнили мне, что моя телесная машина изнасилась, и этого никогда не надо забывать; при малейшем ухудшении условий, при случайных даже недосыпаниях все приходит в полную расшатанность. Теперь вновь все стало на место. Но по сравнению себя с другими нахожу, что я сравнительно еще и бодр и силен. Вокруг меня немало гораздо более слабых, немощных и калек, притом забытых, одиноких и обижаемых своими же сотоварищами по беде — молодыми. Конечно, оттого что другим плохо, нам не становится лучше, но при подступах уныния всегда можно укорить себя, сравнивая свое положение с положением их, причем среди них, хотя и редко, попадаются люди крепкого духа, неунывающие... Школа моя слава Богу — прохожу ее по-прежнему; если на свободе у меня не хватало детального послушания и самоотречения в мелочах, то теперь этих условий с избытком, обо всем, до всякой пустяковины включительно, приходится спрашиваться, иначе неладно получается. Это нисколько не трудно, а поношений и укорений очень и очень достаточно. Все это приучает и к терпению, и к смирению, и к послушанию, а от них на душе становится все тише и тише. Более и более замечаю, как всякие волнения и спешка разоряют и душу, и телесные силы, а при моем здоровье они положительно губительны, и борьба с ними — моя боевая задача в настоящее время, как это было и ранее... Блажен тот, кто закалил себя, приучив с юности к суровой жизни, к малому сну, к голоду, холоду и всяким лишениям. При перемене внешних условий к худшему он сохранит покой; недурно поступает и тот, кто выучивает священные тексты на память; при отсутствии книг он прибегнет к памяти и прочтет, что ему надо... Кончаю письмо, скоро Рождество Христово, накануне память преподобномученицы Евгении. Поздравь от меня Женю с предстоящим днем Ангела. Кругом мрачно, но на душе у меня светло. Кругом шумно, а в сердце у меня тихо, ибо где бы ни был я, в каких бы обстоятельствах ни находился, со мной Мой Единственный Сладчайший Христос. Кланяйся от меня маме, еще привет всем, всем, кто не забыл меня. Целую тебя, прошу всех помнить меня, как и я стараюсь помнить каждого.

Твой отец Роман Иванович Медведь»

«Дорогая Ирочка!..

В связи с моим инвалидством в недалеком будущем возможна перемена в моей судьбе, и даже довольно скорая. Кажется, на этот раз я не ошибусь, хотя в прошлые разы ошибался неоднократно. По старости и немощам, конечно, боюсь переездов и перемены мест и особенно этапов. Но уповаю на Милостивое Провидение и постоянно призываю себя к мужеству, подобающему верующему человеку... Закончил я свое последнее письмо замечанием, что мало людей, ищущих истины, мало могущих ее принять и еще менее по истине и живущих. К сожалению, это приходится относить и ко многим священникам, которых здесь достаточно и с которыми у меня не создалось близости. Уж видно, такова судьба, что почти всю жизнь в моих исканиях и стремлениях я менее всего находил сочувствия среди сопастырей. Казалось бы, общие узы должны были раскрыть сердца ко взаимному пониманию, но, увы, глухие и слепые прежде через заключение не стали слышащими и зрячими. Не в этом ли причина, что душевные люди не могут воспринимать духовного. Но боюсь самопревозношения и осуждения других... Относительно возможных перемен в моей участи, Ирочка, мне думается уместно хлопотать и от вас; я принял во внимание и то, что говорила мама по этому вопросу. Говоря по-человечески, хотелось бы как инвалиду, по возрасту приходящему в большую немощь, доживать свой век на чьем-либо иждивении, но да совершается со мною воля Божия, потому что она для нас всегда самая лучшая... По-прежнему я все в работе сверх сил; по сравнению с тем временем, когда ты была здесь, работы вдвое, а то и втрое больше. А при немощах и трате времени для самообслуживания все отлагаю писание писем, для которых нужна некоторая собранность и покой. Привет маме, привет всем, целую тебя крепко, прошу всех не забывать меня и не ослаблять своей памяти обо мне... Даст Бог, до свидания.

Твой отец Медведь Роман Иванович»

«27 февраля 1933 года.

Дорогая Ирочка и все мои родные!..

Вот уже третье, последнее в этом месяце письмо пишу, пользуясь до конца разрешением на дополнительные письма за ударничество. Дни у нас стали больше, солнышко светит чаще, зима борется с летом, ночью небо глубокое, темное, звезды светят ярко, точно в бархатной оправе, тихо и морозно... Понедельник чистый... он даже и здесь чувствуется... Иногда забываешь о своей инвалидности, а иногда особенно ее ощущаешь и видишь, что по существу дела ты уже не работник, а старик беспомощный, наподобие ребенка, нуждающегося в уходе... Но в общем духовно бодр. Пробегаю прошедшие годы, особенно начало 31-го года, то есть время ареста и следствия. Много дум по этому поводу, и дум грустных. Ведь уже третий год пошел. За время ареста и следствия я особенно плохо себя чувствовал... Продолжаю учить себя, пользуясь каждым поводом. Учю себя, как себя вести, чтобы всегда быть готовым спокойно и с достоинством встретить всякие обстоятельства, как бы трудны они ни были... и умереть достойно своего звания. Учю себя никогда не сходить с крепкой скалы нашей веры. Учю себя не поддаваться природной иллюзии почитать свое «я» центром вселенной, хотя с этой больной позиции начинают свою жизнь все люди. Как неверно, что солнце ходит около земли, так неверно и это самосознание. Учю себя свое «я» утвердить в Едином Великом «Я», Которого мое «я» только луч и слабое отражение, а посему без Него и живой связи с Ним оно обречено на неизбежное умирание. В Нем же — и в самой смерти жизнь бесконечная...

Еще раз целую тебя, моя Иринка.

Папа»

«15 марта 1933 года.

Дорогая Иринка!..

Последние дни от нас уезжают на свободу инвалиды, все едут свободно, по отдельным литерам в места, которые они сами себе избирают. Меня пока это не коснулось, а коснется ли и скоро ли, наверняка сказать не могу, живем (в этом отношении) слухами и предположениями, которые противоречивы. Я покоен относительно того, случится ли то или другое, потому что без воли Божией ничто не случается; а наша воля — нечто погубительное (если оторвана от Единой, Премудрой, Всеблагой Воли), и посему я не позволяю себе предаваться мечтаниям в ту или другую сторону, хотя мысленно спокойно обсуждаю всякие возможности...»

«Карелия Мурманской ж. д. Станция Кузема. 4-й лагпункт.

24 мая 1933 года.

Дорогая Ирочка и все родные!..

Уведомляю о перемене в моей жизни. Как видишь, я уже на другом месте. Сюда прибыли на днях, вчера была еще одна врачебная комиссия, после которой окончательно решится судьба; говорят о достоверности благоприятного исхода. Эти дни были трудные, мою провизию значительно обчистили в дороге, а две последние посылки (думаю, к лучшему) мною еще не получены, хотя и пришли во 2-й ОЛП, последуют за мною в 4-й ОЛП, но, может быть, меня и не застанут и тогда возвратятся в Москву. Прошу от всех вас на это время особой духовной поддержки, потому что физически тяжело, и это будет продолжаться не знаю сколько дней. Духовно я бодр и в глубоком покое...

Целую тебя крепко.

Папа»

Письма о. Романа из лагеря

«22 июня 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!..

Очень сильно ощущаю вашу духовную помощь. Благодаря ей злые дни для меня очень скоро сократились. С 26 мая мне предложили быть делопроизводителем на том местечке в двух километрах от Куземы, где мы помещались. Уходил на свободу инвалид-делопроизводитель, спешно его надо было заменить, жребий пал на меня — и вот до 20 июня я был в этой новой должности. Работы было немного, и атмосфера благоприятная, а посему я работал не сверх сил, как было раньше, а потихоньку, так что было время и для отдыха. Воздух — свежий, кругом — лес, река и взморье. Жилищные условия также изменились к лучшему, я поселился в канцелярии, где кроме меня проживало не более 5 человек... С 20 июня я проживаю там же, но уже в сторожах, вследствие закрытия прежней должности. В смысле трудности и досуга стало еще легче и еще менее

ответственно. Продолжаю ожидать решения своей участи. Кроме меня в таком же ожидании и еще немало людей, а большинство уже освобождено, и почти все на полную свободу... Был труден переезд, потому что ехали со мною в этапе нечистые на руку, которые в дороге обворовали меня и изрезали ножами мои сумки. Спустя три дня, как я писал, бесследно исчезли с места нашей высадки — мой чемодан с бельем, корзина с платьем и сундучок с провизией... Я писал, что эти пропажи нисколько не смутили меня и не нарушили моего внутреннего покоя...

Папа»

«Дорогая Иринка и все родные!..

Я все там же, все в ожидании, внешние условия за последние 10 дней изменились, я стал жить ближе километра на два, в положении лучшем. Я было вновь заделался делопроизводителем с работою, для моего инвалидства трудною, но с передвижением поближе устроился по силам — в качестве дневального и курьера при одном из учреждений ЛП — и благодушествою. Находится и свободное время, и время, когда могу быть один с собою самим. Голову и душу не обременяют разные ответственные заботы, а посему дух покоен, а физическая работа — посильная: 2 раза (иногда 3) в день уборка служебного помещения, разнос бумаг, разные небольшие поручения, иногда — небольшая работа по канцелярии... Учусь по-прежнему жить настоящим, ни к чему не привязываясь (пользуясь миром сим, как бы не пользуясь им). Условия постоянно напоминают о том, что мы странники в этой жизни, которые должны быть готовы каждый момент и с места тронуться, и попасть домой за пределы этой жизни. К этим мыслям особенно располагает наблюдение над нашим братом инвалидом — и при нашем передвижении с места на место, и, особенно, при оставлении этой жизни, что наблюдать приходится нередко: ведь все-то мы — одною ногою в могиле, долго ли до другой? Чуть побольше усилий или ухудшение условий — и... конец... Я как-то особенно ярко ощутил, что всякие обстоятельства в жизни — и происшествия, и испытания, и неожиданности — дело второстепенное. Основа — это постоянная связь с Единым и Вечным. Есть она, тогда все происходящее, хотя бы и самое тяжелое, можно переносить равнодушно или, вернее, — покойно. Главное-то ведь имеется, а все прочее — преходящее. В Главном же и Едином, как в Полноте, все есть, и все в Нем, а посему никакие утраты этой жизни не страшны. От понимания до осуществления, конечно, далеко, но понимание все-таки 50 процентов; по пониманию можно себя приучить и жить... Невзирая на всякого рода тягости, будем мужественны и благодушны.

Господь со всеми нами!

Папа»

«30 июля 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Сегодня день твоего рождения, поздравляю тебя и маму и шлю пожелания такие, какие для тебя будут самыми лучшими и какие я бы мог придумать для тебя. Мое положение без перемен. Все не перестают говорить, что всех нас, активированных инвалидов, может быть за малым исключением, все-таки вскоре отправят, хотя стали отправлять и лиц нашей категории, но до меня, видимо, очередь не дошла. Пока еще лето, мне на последнем месте хорошо — дневальным, курьером и немного по канцелярии. Но к осени, когда придется и дрова пилить, колоть, и печи топить, при моих грыжах и сердечной слабости будет много

тяжелее. Но, может быть, до этого времени отсюда и отправят, по большей части отправляют вчистую. Все утверждают, что вопрос в нескольких днях, но они уже растянулись на месяцы. Конечно (по своему хотению), я желал бы освобождения; если оно сейчас для меня необходимо, то, конечно, Провидение мне его предоставит. Хотя я избегаю мечтаний, но мысли разные приходят, что я буду делать после освобождения? Чего я желал бы для себя? А ответ постоянно у меня всегда готов: хочу покоя, хочу отдохнуть, в себя прийти, собой заняться... Хочется уединения и молчания, того, что с ними может быть связано для верующего человека. Теперь у меня нет постоянных забот, ум мой и сердце ими не обременены, но некоторое беспокойство есть. Это — постоянно оберегать от воров и учреждение, при котором я состою, и свое имущество; на этой почве, может быть в силу своего вообще заботливого или беспокойного характера, я и недосыпаю, и имею лишние волнения, но в общем мне по-прежнему хорошо... Многие увидел я, многому научился, во внешнем я уже не такой беспомощный, как ранее, многое сам научился делать. А вам всем хотел бы сказать, хотя и ранее писал об этом, как важно, живя на свободе, приучать себя к жестокому житию и всяким лишениям, чтобы, когда придут тяжелые обстоятельства, все переносить с мужеством и полным самообладанием. Чувства, чувства — как они разоряют нас, если не находятся в полном подчинении разуму! Когда догорают силы, видишь, как много их истрачено напрасно... Чувства — огонь души, надо хранить [их] только для Первостепенного, а ко всему прочему надо научиться относиться спокойно, почти безразлично (покупающе, яко не приобретающе, пользующеся миром сим, яко не пользующеся). Эту мораль прописываю прежде всего себе и требую, чтобы у меня было именно такое отношение к моим внешним обстоятельствам, и, в частности, к моему заключению... Всем желаю всего доброго. Не взыщите, что сравнительно редко пишу, по инвалидству я уже не ударник и не могу иметь прежнего количества писем. Не взыщите за содержание писем, если оно кажется вам скудным, от скудного и убогого чего же ожидать. Целую тебя крепко, Ирочка...

Папа»

«14 августа 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Всё те же ожидания. От более или менее компетентных лиц слышал, что еще, может быть, придется отсидеть месяц-другой, а я опасаюсь, может быть, и более. Уж не навести ли справки тебе в Москве? Мое дело за Коллегией ОГПУ, от этого, говорят, и задержка, коллегиальных стали освобождать только в последнее время... Я писал, что живу среди отрицательного элемента, и масса энергии уходит на оберегание казенного и своего имущества. Всё налеты, меня вновь обокрали среди бела дня, сделали пробой замком от двери, я был в отсутствии не более десяти минут, правда, удалось немедленно напасть на след похитителей и возратить большую часть ворованного, но кое-что пропало, например очки, часть провизии, кое-какие вещи...

За это время все-таки находилось время и для чтения, и для размышления. Основные мысли о нашей вере всегда очень утешительны. Но когда оглядываюсь на окружающее, для себя отрадного нахожу очень и очень мало... Всех вас помню, всех ношу в сердце, всех люблю, всех приветствую, все для меня живы. Но и видеть всех вас очень бы хотелось, и, конечно, не однократно, а так, чтобы насытилась душа. Привет маме, целую тебя крепко.

Папа»

«1 сентября 1933 года.

Дорогая Ирина и все родные!..

Живу я на том же месте и в той же должности — дневального и курьера. По существу дела — должность легкая, а для моих сил, в последнее время в особенности, очень нелегка... Тело и душа ищут тишины и покоя, но здесь их трудно иметь. Часто ощущаю нужду и в свежем воздухе, почти все время я прикован к помещению, охраняю и казенное, и наше частное имущество... При всех усилиях все-таки тяжело жить оторванному от привычной обстановки и своих близких. О, как начинаешь здесь ценить те условия, в которых живете хотя бы и вы все. Условия, условия — как зависит от них личность человеческая! Как сама по себе она слаба в немощах, в старости! Это время снова чаще меня посещали мысли о смерти. Конечно, она уже не за горами, я уже докатился до пределов жизни, а все же хочется кончить свои дни не здесь, не на чужбине, а среди родных. Но будет так, как распорядится Провидение, и приму безропотно то, что Оно пошлет. Здешние условия наталкивают на мысль о том благе, которое достигается при общности имущества, когда личное имущество сводится к минимуму. Припоминаю подобное в организациях IV века у Пахомия Великого. Да! Хорошо там было, очень хорошо потому, конечно, что все собравшиеся были единомысленны и единокоренны, одного настроения; и, кроме того, свои физические потребности они научались сводить к минимуму, а посему для своего экономического обеспечения они тратили очень мало времени — имели много досуга и пользовались им так, как находили это нужным в соответствии со своими убеждениями. Физически они были нищие, но духовно очень богатые. Я ощутил великую правду в том, что по существу дела праведная собственность может быть только там, где она не личная, а общая. Справочка о Пахомии очень уместна. Вообще же напоминаю себе, что и в этом вопросе, как и вообще во всех вопросах нравственности, кроме резкого различия добра и зла, на деле в жизни, в истории — много ступеней, по которым и личность и общество выбираются из крайнего зла к высшему добру, и каждая промежуточная ступень носит характер относительный, то есть она добро с точки зрения низшей ступени морали, но она не может расцениваться и как зло с точки зрения высшей ступени. А все дело, конечно, в том, подымается ли человек и все общество к высшему или же, наоборот, опускается к низшему. Я ублажаю того нищего, о котором пишет Димитрий Ростовский: старый, больной, в рубище, в холоде и голоде, он был всегда счастливым. Я верю этому, он не имел никакого своего личного имущества и не был к нему прикован. С этой точки зрения и для меня благо, когда здесь расхищали неоднократно мое имущество, но зато я делался свободным от его хранения... Передай привет всем нашим родным, поименно их не упоминаю, но сам про себя, конечно, их всех называю и помню. Всех приветствую, всех благодарю, привет маме, целую тебя крепко, посылки получаю, хотя теперь и реже, нужду ощущаю в сахаре. Если сумеешь найти, пришли еще раз. Еще раз всем привет.

Папа»

«25 сентября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Не писал вам уже целый месяц. За это время много пережито, было очень трудно. Несколько дней я совмещал обязанности дневального и счетовода-табельщика, потом меня от дневальства освободили, и я был счетоводом-табельщиком более 3 недель. Было очень тяжело, работа была запущена, я работал очень много, сверх сил, правда, привел все

в порядок, но сильно исхудал, моя плоть заметно тает... Вновь была врачебная комиссия, и я уже в 4-й раз признан инвалидом: грыжа, порок сердца с отеком ног и преждевременная старческая дряхлость... Очень сожалею, что не могу вас обрадовать добрыми вестями о себе, как было месяца два тому назад, когда я писал, что мне очень хорошо. Конечно, мне неплохо и теперь, но уж очень много зла вокруг. Очень жалко мне злых, потому что от злобы плохо и хуже самому злецу — что он носит в себе? какую беду? и разве с ней он может быть покойным и счастливым? — конечно, нет. Гложет и сушит его злобность... кроме злых, есть много измученных и изможденных... все нуждаются в утешении и поддержке, но почти никто не в силах дать их другому, потому что сам удручен и изможден... здесь грустная картина, здесь редко кто делится тем, что получает, с другими, потому что самому не хватает или только в обрез. Все это вместе взятое наполняет душу скорбью и ощущением крайнего одиночества... Привет маме и пожелание ей доброго здоровья...

Привет... всем, твой папа»

«8—9 ноября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Погода плохая, как в тот день, когда вы приехали ко мне в прошлом году на свидание, сильный ветер, снег и потом мороз. Комната, в которой я занимаюсь, угловая, вторые окна еще не вставлены, ветер гуляет, печь не топится, мучаемся напрасно, в дыму целый день, ветер через трубу выдувает дым обратно в помещение, дым заел и очи, и горло. Но 9-го уже хорошо, мороз, ветер переменялся, в помещении делается теплее и теплее, печь топится хорошо. Давно не писал тебе, было недосуг, надо было кончать к месячному отчету срочную работу, да и прихворнул я... доселе еще не вполне поправился, болел на ногах, потому что нельзя было прервать работу и через то подвести моего непосредственного начальника, теперь зато легче... Из твоих последних писем я вычитываю (может быть, и неправильно), что Красный Крест обо мне ходатайствовать не будет, а посему ты написала о советующих подать прошение об амнистии... Что же касается амнистии, то я лишен возможности о ней ходатайствовать, потому что это ходатайство означало бы признать себя виновным по примененной ко мне статье 58-й, пункты 10, 11. Но виновным я себя признать не могу, потому что эта статья политическая, а я в области политической против советской власти нисколько не виновен. Смело говорю: наоборот, моя позиция относительно советской власти всегда была максимумом благожелательности... Я работал исключительно на религиозной почве, принцип отделения Церкви от государства мною был провозглашен и осуществляем за 9 месяцев до выхода декрета об отделении Церкви от государства и до появления советской власти... Я постоянно стоял за мирный договор церковников с советской властью... и сознательно принял и защищал примирительную политику митрополита Сергия, за что также перенес немало, а посему мне не в чем признавать себя виновным. Я виновен лишь в том, что я верующий, но и эта вина отпадает, поскольку конституция СССР признает свободу религий. А посему осуждение меня по 58-й статье есть чистое недоразумение. Я могу ходатайствовать только о пересмотре моего дела, доселе я этого не сделал по своим болезням, крайней перегруженности работой, которые не оставляли мне ни времени, ни сил для написания этого ходатайства, а также из-за ожидания освобождения по инвалидности. Если меня не освободят по инвалидности в скором времени, тогда постараюсь написать наконец и это ходатайство...

Твой папа»

«Кузема. 3-й лагпункт Беломорско-Балтийского комбината.

23 ноября 1933 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Что-то последние дни у меня очень скорбно на сердце; из случайных обстоятельств, которыми полна наша жизнь, я убеждаюсь, что делаюсь все больше немощным стариком, я дряхлею все сильнее, мысли о смерти все более меня посещают, мечтаю о том, чтобы, в тишине пребывая, оплакать грехи свои и приготовиться к смерти, а потом и принять ее в спокойствии сердца. А в канцелярии, где едва ли мне придется работать, штат, как и везде, у нас постоянно сокращается и остаются только работники сильные, а нам, старикам, останутся только легчайшие работы на производстве, как, например, переборка картофеля и овощей, шитье стелек в сапожной, а может быть, плетение корзин из дранки и плетение лаптей, а у меня на это нет сил и нет сил на случайные мелкие перемены в нашей жизни. С весны, как я оставил Морсплав, я очень сдал. Благодаря вашим посылкам я питаюсь вполне хорошо, но уже, видно, и корм не в коня. Годы и болезни берут свое, правда, я еще на ногах, в больнице не лежу... но не закрываю глаз на свое дряхление... Часто вспоминаю об аде и его муках, начинаю прозревать, как там худо... Привет всем, всем и каждому в отдельности. Привет маме...

Твой папа»

«24 мая 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Уведомляю вас, что по своему делу я написал два заявления: одно краткое во ВЦИК с ходатайством об освобождении меня по инвалидности, а другое длинное верховному прокурору с просьбой о пересмотре моего дела или, по меньшей мере, об освобождении меня по инвалидности. Во втором заявлении в качестве основ для пересмотра я указал на отсутствие в следственном материале фактов, доказывающих мою виновность в пунктах 10 и 11 статьи 58 УК, и, во-вторых, на то, что следствие не производилось... В силу своих религиозных воззрений я всегда был корректен, но не раболепен как к прежней государственной власти, так равно и к советской. Самая моя работа при советской власти была обусловлена моим соглашением с управляющим делами совнаркомом и с ВЧК — этим соглашением была установлена возможность и пределы моей работы в пределах СССР. В силу этого соглашения я остался в СССР, хотя и имел легальную возможность уехать на свою родину в бывшую Холмскую губернию. Условий, данных мне, я ни в чем не нарушил, а между тем уже четвертый год томлюсь в лагере. В силу изложенного я и прошу о пересмотре моего дела... Привет и низкий поклон... всем...»

«30 августа 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Действительно, я давно не писал вам, очень много работы, и кроме того командировки, в которых в общем я провел 12 дней. А здоровьем я держусь по милости Божией, хотя и трудновато подчас... С самого прибытия в лагерь в 31-м году я целую свои узы и знаю, что они мне во благо, и все время держусь того же убеждения, правда, мне тоскливо в разлуке с родными, но ведь я их все-таки живо ощущаю, невзирая на расстояние. И убивающего одиночества не знаю, потому что Единый Вездесущий всегда с нами и в нас, — в общем, в душе моей покой, а будущее я отдал в руки Того, Кто лучше всех распоряжается, а пока

по совести работаю и исполняю свои обязанности... И всегда, когда я не пишу в отдельности приветов, а всем вообще, переводите этот привет и на каждого в отдельности. Я всех, всех помню, все у меня глубоко в моем покойном, незасушенном сердце (не замученном массою всякого рода забот, здесь их почти нет, а многие заботы по службе совсем иного свойства, и я их переживаю покойно)... Мое ходатайство во ВЦИК направлено с Медгоры 10.8.34 за № 41008, а в направлении другого ходатайства — главному прокурору — отказано. Предполагаю еще сделать попытку о его направлении, потому что это ходатайство — о пересмотре дела, то есть другого характера, чем первое. До свиданья!

Папа»

«Кемь. Вечеракша. 1-й лагпункт 9-го отделения Беломорско-Балтийского комбината.

8 октября 1934 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

О чем я предупреждал тебя, Ирочка, то со мною и произошло. Я уже третий день нахожусь на новом месте по той же Мурманской ж. д. в городе Кемь... Переезд совершился очень хорошо, без неприятных приключений и даже с удовольствием, хотя, конечно, пришлось потаскать свои вещи с большими усилиями и едва переносимым напряжением. Но спутники на этот раз помогли, была и лошадь и к железной дороге, и оттуда. Новое помещение хорошее и светлое, высокое, но пока без печи холодно, обещают на днях построить печь. Работа у меня такая же, как и на прежнем месте, но здесь во много раз увеличится. И это бы еще не беда, к своей работе я привык, а то беда, что у меня дело было поставлено очень четко, а здесь пока я не могу войти в курс дела. Придется много потрудиться... Крепко целую тебя и всех вас. Жду вестей.

Папа»

«8 декабря 1934 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

На этот раз не порадуя я вас добрыми вестями о себе. Уже более месяца у меня боли в верхней половине грудной клетки над сердцем и в самом сердце. Сначала я думал, скоро пройдет, результат временного переутомления, но чем дальше, тем хуже. Теперь и в левом плече боль, и в левой руке. Положение напоминает 26-й год, когда я четыре месяца пролежал в деревне и едва выправился; возможно, скоро придется лечь в больницу. Я уже было получил туда направление, но временно был удержан по службе, хожу и работаю, но немощь часто одолевает... Кругом скорби и скорби; как много теперь требуется мужества, терпения и особенно веры, но что бы ни было, нам не следует унывать и падать духом. Все идет так, как этому должно быть, не по нашей воле, значит, так, как надо... Письмо заканчиваю, крепко тебя целую, Иринка, и всех. Всем всего доброго.

Папа»

«Кемь. 1-й лагпункт. Центральный лазарет.

17 декабря 1934 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Уже неделю я нахожусь в лазарете. Прекрасное помещение с электричеством и всеми удобствами, высокое, светлое; палата, в которой я,— на 10 человек, врачебное отношение, уход и питание очень хорошие. Попал я в лазарет очень вовремя, иначе, говорит доктор, со мною был бы удар...»

«Кузема. Мурманская ж. д. 2-й лагпункт 9-го отделения Беломорско-Балтийского комбината. Почтовый пункт Сеннуха.

25 января 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные, дорогие!

Вчера я переехал из Кеми в Кузему. Переезд мой или, вернее, возвращение в Кузему совершилось довольно неожиданно. За неделю до этого я не мог о нем и мечтать, так сильно я был связан с Вечеракшей, и вдруг эти связи заколебались, и я вновь в сравнительно тихой Куземе. Я писал вам, что в связи с моей болезнью меня освободили от ответственной службы, мне стало легче работать, и мое здоровье также стало улучшаться. Казалось бы, и достаточно, но внезапно около меня, и для меня сначала непонятно, атмосфера сгустилась, и в результате я очутился вновь в Куземе... Кстати, об условиях переезда сюда... Он совершился так просто и легко, как будто кто-то с любовью позаботился о нем. Я был послан свободно, без конвоя, на переезд к вокзалу мне дали лошадь, случайно со мною ехал один из куземских сослуживцев, он помог мне и билет купить, и перенести мои вещи на поезд и потом с поезда. В Куземе с вещами я тоже не имел затруднения, их перевезла возвращающаяся назад подвода, я только прошел пешком по снежным сугробам. Доселе тихая и теплая погода стала морозной, ветреной, снежной, но для моего переезда выпали очень благоприятные промежутки...

Папа»

«14 февраля 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

К моему утешению, я опять в Сеннухе на своей прежней работе и снова в бытовых условиях, для меня благоприятных. На Поповом острове я находился только 10 дней, там жизнь кипит ключом и работа весьма интересная, но количество работы и ее условия были не по моим силам. Надолго меня бы там не хватило; как видишь, я пробыл там очень короткое время, не буду вам описывать подробности, одно скажу, было нелегко во многих отношениях, однако все переносилось благодушно, в глубине сердца все время был покой, он регулировал мои действия, и самочувствие было хорошее. До таких переутомлений, которые рождали бы и поддерживали уныние, я не доходил. Переброски с вещами и эти два раза были нетрудными, все проходило удобно и удачно. Здесь я уже отдохнул, пришел в себя и поскорее спешу написать вам, чтобы у вас не было обо мне излишних беспокойств. Еще не прошло и месяца, как я пережил четыре переброски, я не задаюсь вопросом, почему и для чего все это, и говорю себе постоянно, раз так происходит, значит, так и нужно, и все происходящее есть самое лучшее для меня в настоящее время. А посему какие-либо колебания, недоумения, огорчения неуместны. Ведь весь секрет жизни в том, чтобы все совершалось не по моей мелкой воле и не по моему жалкому умишку. Единая Премудрая и Благая Воля должна царить во всем, а наше дело не мешать ей осуществляться и в нас, и через нас. Прочее все понятно. Завтра кончатся четыре года моего заключения, кто бы мог думать, что я их переживу, а вот пережил и, если говорить о своей воле, еще хочу жить, дожить до освобождения и повидать всех вас, может быть, и

пожить с вами. Впрочем, оговариваюсь, и этого я желаю, как писал вам не раз, для оправдания своей веры и славы Всевышнего... Крепко целую вас всех, моих дорогих...

Папа»

«6 марта 1935 года.

Дорогая Иринка и все родные!..

Стал я получать от вас весточки уже на Сеннуху и отсюда узнал, что вы мои письма тоже уже получили... За все присылаемое я всем вам очень признателен, хватает не только для меня, а можно кое с кем и делиться, что мне доставляет истинное удовольствие... Вы бы, конечно, хотели знать о моей жизни и о моем самочувствии... Как-то все тяжелее переношу и малые недомогания и отсюда заключаю, что годы берут свое, я слабею, иногда на этой почве у меня развиваются грустные размышления. Работа моя нетрудная и не такая большая, но частенько и она мне тяжела, хотелось бы получить передышку. Два раза я здесь был у врача, и в первый же раз он сказал мне, что поставит вопрос о моем инвалидстве вновь. Я поблагодарил его, но пока еще числюсь в прежней категории... Спасибо за добрые чувства, будем надеяться, что мы еще проживем вместе и я отдохну с вами на кончике моей жизни. У меня ведь только одна дума — это как бы дожить до конца моего заключения, повидать всех вас и умереть не здесь одиноким, а там, среди вас, моих родных и близких... Ирочка, ты пишешь, что я сам виноват, что так долго сижу, потому что долго сам не подавал о себе заявлений. Может быть, и так, оправдываться я не буду. Скажу только, что разделяют мою участь и многие другие, подававшие не одно заявление. Конечно, я в первые два года не подавал заявлений. Все казалось, что мое инвалидство выведет меня на свободу, как вывело очень многих. Но вышло по-иному. Скажу тебе, что подавать заявления нам разрешено только один раз в год и спустя полгода после прибытия в лагерь. Вообще же всю жизнь я был человеком непрактичным, что и здесь чувствуется на каждом шагу. Это сказало и с моими заявлениями... Привет всем-всем и каждому в отдельности, привет маме. Прошу простить, если кого-либо я не вспомнил на этот раз, а вообще помню, не забываю. Крепко целую тебя, Ирочка, и всех.

Папа»

«29 марта 1935 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Кажется, и вам давно писал, и от вас давно писем не получал. Наконец пришли две открытки... Беспокоитесь и спрашиваете о моем здоровье. Оно улучшилось, значительно улучшилось... Среди условий, в которых приходится жить, конечно, не всё розы, есть и неблагоприятное, — и не много его, а переживается оно очень трудно. Я на себя поражаюсь, удивляюсь и очень собой недоволен — сущие пустяки, а для меня настоящая болезнь. Вот и задаюсь вопросом, что делать, чтобы не нервы мною владели, а я ими. Кажется, все хорошо, день, другой, третий, забываешь о нервах, вдруг — какой-либо случай, а мало ли их всюду, и все загуляло, точно по голове ударит, и долго не можешь прийти в норму. И бранишь себя, и увещаешь, а факт остается фактом. Да! — нагрузки Вечеракши и Поньюмы мне были не по силам, и от результатов этих перенапряжений я еще не освободился...

Папа»

«18 апреля 1935 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Подходят великие дни. Приветствую всех вас и посылаю лучшие пожелания. Хорошо бы в это время быть вместе, как это было ранее. Но если не физически, то мысленно будем вместе, будем посвящать на мысленное общение то или иное время. Здесь это лучше делать утром, до работы, тем более что ночи у нас укорачиваются все более, и скоро наступят белые, а тогда сон бежит... Мое здоровье укрепилось, работа — по моим силам, условия — благоприятные, и я готов в подобных условиях досидеть до конца своего срока. Но это не от меня зависит; всегда возможны переброски, которых вы вместе со мною боитесь...

Эти дни у нас прекрасная погода — воздух чудный, живительный... Могу сообщить вам несколько успокаивающую новость. Сегодня на медкомиссии я вновь признан инвалидом, о чем и составлен акт. Для меня — это хорошо, потому что более меня защищает от перебросок. Снова от нас двинулись на свободу инвалиды, но я не надеюсь на освобождение. Мой акт запоздал, да и не всех отпустят. Мое самочувствие — хорошее. Посылки от вас идут хорошо. На прошлой неделе получил я одну, завтра или послезавтра получу вторую — большую... За это время немало всяких мыслей, все более неутешительного характера. Но основное, конечно, — одно и то же, оно прочно и не может поколебаться. Вечное — нерушимо. Только бы научиться все более и более глубоко входить в него. Какая мудрость — уметь отходить от своего «я» и опираться на «Я» Великое, Единое. Всем этого желаю, особенно в эти дни. Что бы ни было, а вечность за нами и в этой жизни, и в будущей. Временные страдания — неизбежны для находящихся в странствовании. Но кроме страданий, сколько еще и здесь радостей и счастья! Всех-всех трижды целую...

Вас постоянно помнящий и любящий

папа и дядя»

«2 мая 1935 года.

Дорогие мои Иринка и все родные!..

Многokrатно всех вас целую и взаимно поздравляю с праздниками. Получил я все ваши открытки, Иринка и Зина, получил и обе посылки. Сусанна, и яички, и сухарики твои пришли в очень хорошем виде, не разбилось ни одно яйцо, Зиночка, и бабка нисколько не пострадала. Балуете вы меня. Мое здоровье утряслось — то есть держится на уровне заметного улучшения. Погода и у нас неважная. Завернули холода, и вместо весны у нас недели две держится настоящая зима с морозами, метелями и сильными ветрами. Но это сильно не действует на настроение, оно держится устойчиво. Ожидаю конца своего заключения, который уже теперь не за горами, то есть в конце, а может быть, и несколько ранее, 36-го года. Конечно, я учитываю и другие возможности и к лучшему и к худшему, замечая и некоторые признаки, по которым об этом сужу, то есть улучшения и ухудшения, сокращения и удлинения срока. На свое ходатайство об освобождении, написанное в июне или мае 34-го года, доселе я еще не получил ответа. Подумываю о его повторении. Может быть, в настоящее время и вам что-либо предпринять... Много дум, много размышлений, иногда помыслишь, хоть здесь я вдали от вас, но зато в одном положении, уж дальше мне некуда; а был бы на воле, разве был бы гарантирован от всяких тревог и плачевных неожиданностей? А посе́му, может быть, и лучше, что я еще здесь. Посе́му пусть течет поток моей жизни так, как течет теперь. Все равно к чему-либо придет. Сохранялся бы покой духа. Я хотел бы только такого здоровья и сил, чтобы

хранился этот покой, при нем воля или неволя — вещь второстепенная. Иметь бы свободу внутри от всякого зла и всякой скверны. Два дня мы празднуем. Кончается второй день. Креплюсь я, креплюсь, но какое громадное значение имеют внешние условия, это могут оценить только те, кто побывал в подобной обстановке. Для известного состояния духа очень важно одиночество, но одиночество полное, то есть вдали от людей. Но одиночество среди людей тягостно, потому что очень трудно среди шума входить в свою душу. Я не жалею, мои условия сравнительно очень хороши. Мысленное общение я с вами имею — и непосредственное, получая от вас письма. Но в дни отдыха я очень ощущаю недостаток личного общения с вами — и голодно душевно, и одиноко.

Однако терпел годы, потерплю и еще. Конечно, очень мешает собственная никчемность, которую всегда ношу с собой. Сознаю, что надо делать мне в настоящее время, а не делаю, все отлагаю до будущей перемены условий. Это самая большая причина недовольства собою. Очень всех вас благодарю за вашу непрестанную любовь и заботы обо мне. Как бы мне хотелось еще в этой жизни воздать вам за нее в личном общении. Верю, что это возможно и что это будет. Крепко еще раз целую всех вас в общем и каждого в отдельности.

Папа»